

**АВАНС ПРОШЛОМУ,
или СИМФОНΙΑ ЖИЗНИ**

Роман-эссе

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Принимаясь за дело, соберись с духом.

К. Прутков. «Плоды раздумья»

Мне уже давно хотелось написать о своей жизни. Вернее, не о себе, а о тех событиях, которые пришлось пережить, о людях, с которыми сводила судьба; а уж сводила она меня с таким числом, что самому иногда приходится удивляться. Написать же хотелось не мемуары, не роман, а то и другое вместе — нечто междужанровое, зная, что в художественном виде можно писать обо всем. И я остановился на эссе.

Я пишу это произведение по своим воспоминаниям, в центре которых рядом со мной были самые обычные люди, со своими житейскими, а порой и сложными судьбами. Почти каждый из вас, вольно или невольно, бывал на моем месте или на месте моих героев. Такова действительность.

Что же касается реально происходящих событий, описанных в эссе, они действительно имели место быть. Безусловно, я использовал при написании книги реальные факты, случаи, происходящие как в моей жизни, так и в жизни страны. Но, размышляя обо всем этом, я непременно задавал себе вопрос: «Как лучше описать события, своих друзей-товарищей так, как я это видел сам, соприкасался, сопереживал на наших совместных жизненных путях». Конечно, масштабы не те, что в воспоминаниях знаменитых мемуаристов, и люди, может быть, более заурядные». Но, оказывается, я знал многих замечательных людей. Это и мои учителя-наставники, и военачальники, с которыми приходилось встречаться, я видел и слушал даже члена Политбюро. А разве мог я представить, что буду общаться и работать с будущим министром обороны С.К. Шойгу!

В эти годы, когда мне семьдесят, все пережитое оценивается трезво, со всеми «плюсами» и «минусами», как говорится, смотришь на прошлое другими глазами. Оглядываясь назад, времена и события, люди и годы воспринимаются по-

другому, осмысливаешь их совершенно с других позиций, видишь то, чего тогда не замечал и не ценил. Хотя люди старшего поколения любят говорить: «Вот когда мы жили..., вот когда мы работали!» Нет! Сегодняшние реформенные времена пройдут. Все в стране станет лучше, чем это было до сих пор. В этом нет сомнения! Дело в другом. Есть ли на свете человек, умеющий оценить настоящее так, как оно того заслуживает? Не будем «плакать» по прошлому, не будем очернять настоящего. В жизни всегда есть и хорошее, и плохое, и от «старой», прошлой жизни нам досталось. А в сегодняшнем и будущем меня интересует идеологическая подоплека, нравственные проблемы. Мои воспоминания я постараюсь выстроить так, чтобы сокровищницу общественной культуры и жизни донести до своих внуков и правнуков. Как я сумею и успею? Вам ценить. А воспоминания всегда приятны, особенно «годы молодые, с забубенной славой...», они непреходящи, умирают с человеком. Вспоминаются слова из Шекспира:

Рассказ не из коротких — скучно слушать;
Достаточно, что слово я сдержал,
Хоть и пришлось явиться с опозданием.
Я на досуге оправдаюсь так,
Что, верьте, вы останетесь довольны.

В. Шекспир. «Укрощение строптивой»

«Начинать, естественно, надо с плана», — подумал я. И стал набрасывать его. Но тут мысль оборвалась, и я долго просидел, обдумывая предстоящую запись. «С какого пункта начать рассказ о себе?» — задумался я. А ответа не было. Как это, оказывается, нелегко: найти в своей жизни момент, с которого начать отсчет. Все равно что отыскать Архимедову точку опоры, с которой можно перевернуть Землю, отыщешь — словно вся жизнь, что была прожита, высветится до самого конца, до той другой точки, до которой еще нужно дожить, которая неведома тебе и которую, скорее всего, сознание не может ухватить.

Возвращение в прошлое, мне кажется, вполне уместно сравнить с разбором забытой и брошенной кладовки. Чего только там не скопилось! Многое, слишком многое свалено в кучу и валяется горами ненужного хлама. Но вот одна, другая, третья вещь, едва попав в руки, вдруг сбрасывает пыль, оживает, высвечивая в памяти такие важные, такие яркие и щемящие душу эпизоды прошлого, что невольно чешутся глаза.

Я далеко не молод, но и старым себя не считаю. Но лукавить нечего, жизнь прожита. Вперед лучше не заглядывать, а вот оглянуться, покопаться в своей «кладовке» не мешает. Разумеется, не все из прожитого годится на бумагу, однако многое, чрезвычайно многое так и просится само в беспристрастное свидетельство очевидца, в, так сказать, документ.

Мои воспоминания, возможно, будут интересны философам, психологам, историкам, чтобы развеять красивые мифы, разрушить символику ярких нарядов и составить подлинную картину событий.

Немецкий философ Хайдеггер определил бытие как событие, в котором оно вместе со временем сбывается и исчезает. А бывает ли событие в инобытии? Не знаю. Скажу одно: жизнь не имеет смысла, если у человека нет цели что-то сделать для других, проявляя себя при этом творцом. Жизнь без идеи ужасна. Может, во имя этого и стоит пострадать, а главное — что-то сделать, что принесет пользу другим. Поэтому поискать истину никогда не зазорно. Как бы ни коверкали настоящую историю, ее можно выправить подробностями, неизвестными фактами, что я по возможности и делаю. Через ломку стереотипов буду дальше прописывать в своих литературных изысканиях нравственное начало и ценности Человека, вне временных ограничений.

Жизнь — это такая штука, сущность которой не каждому дано понять. Есть люди, которые глубоко разбираются и понимают ее смысл, а есть и такие, которым очень бы этого хотелось, но они не обладают той способностью. Мы сходны лишь в одном: Создатель даровал нам всем одну жизнь. И судить о жизни можно лишь тогда, когда ее проживешь.

Поэтому надо стараться прожить ее с наименьшими ошибками, чтобы не сожалеть о сделанном, понимая, что уже не вернешь обратно.

Конечно, если бы человек мог наперед предвидеть все, что с ним произойдет, он бы не делал тех ошибок. И жить было бы гораздо легче. Но это сравнимо с недосыгаемой высотой. О своих ошибках думаешь лишь тогда, когда совершишь их. А когда начинаешь исправлять — бывает, и не получается. Как говорится, к прошедшему дождю бурку не готовят.

Каждый человек живет в определенном времени и пространстве, в определенной социальной среде, которые, несомненно, оказывают влияние на его воззрение и жизнь в целом. В жизни каждого человека наступает рубеж, когда оглядываешься назад и оцениваешь пройденный путь.

Ни похваляться, ни поучать кого-либо я не намерен. Высказаться! — вот без чего не могу! Или, как говорили в старину, излить душу.

В своей книге я постарался осветить основные события своей жизни, а вместе с ней отразить некоторые события прошлых лет. Эссе — лишь небольшой фрагмент общей картины жизни моей и людей, окружающих меня. И запечатленные на его страницах люди и события отражают то время, которое уже становится историей. Растут новые поколения, и не прерывается древо жизни, а строки моего эссе станут одним из связующих звеньев этих поколений.

Пусть эта книга будет посланием нашим потомкам, которым творить дальнейшую историю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Музыка жизни умолкнет, если оборвать струны воспоминаний.

Джером К. Джером

1

Я долго не мог решиться, что взять за точку отсчета. Вспоминал дедушку с бабушкой, мать, их рассказы о моем рождении, о пророчествах в отношении меня. Они забавно выглядели в сравнении с той жизнью, что мне в действительности пришлось прожить. И это было не то, с чего следовало начать. Совсем не то. Я даже почувствовал свою несказанную связь с исчезнувшими предтечами, в которой было слезное обожание и любовь, благодарность и большая вина. Предтечи были не в прошлом, а присутствовали в настоящем, дышали в капельках крови, в живых частицах плоти, в трепете мыслей и чувств. Меня омывала таинственная волна, которая доносила не принадлежавшие мне переживания, не изреченные истины, не сотворенные еще образы.

Итак, начав рыться в своей «кладовке», беру, как говорится, «быка за рога». Семья наша, как и вся родня, люди сугубо сельские — станичные. Мне не исполнилось и четырех лет, как умер отец, прошедший всю Великую Отечественную войну, несколько раз раненый. Как рассказывала мать, он, работающий в милиции, часто участвовал в засадах на бандитов, в погонях и захватах и еще больше подорвал свое здоровье и умер в довольно молодом возрасте, сорока трех лет.

Первые воспоминания детства отрывочны и бессистемны. Помню смерть Сталина. Приспущены флаги с траурными лентами, громко гудят проходящие поезда, слезы на глазах у людей. В этот же год пошел в школу.

Сельское детство полно радостей и впечатлений, не знакомых мальчишкам городских кварталов. Просторы полей, физический труд, общение с мудрыми людьми, хранящими традиции предков, обряды, праздники, причастность к земле и ее дарам — все это душа впитала в ранние годы.

Воспитывала меня мама. Сестры были уже взрослые. Помню, мама утром бежит на работу, а после, босиком, в сбившемся платке, что-то делает по дому: или мажет, или белит, или делает чего-то в огороде.

Если в доме днем никого не оставалось, меня отправляли к дедушке Андрею и бабушке Марине. Мне удалось выяснить, что дедушка — потомственный терский казак, его дедушку привезли в только что образованную станицу Пришибскую, ныне город Майский Кабардино-Балкарской республики, в первой трети XIX века в десятилетнем возрасте, бабушка тоже из местных. То есть от них идут нынешние станичники.

Дедушка служил в Сунженско-Владикавказском казачьем полку Терского казачьего войска и в его составе воевал с Японией в 1904–1905 гг. И в первой Мировой войне на Турецком фронте.

Помню, как искрились у него глаза, когда он рассказывал о тех событиях. В нем ощущался казак, на первом месте у которого в торжестве дисциплина и верность присяге.

Вот стоит посреди просторной хаты или во дворе дедушка, в своей казачьей папахе, с седой бородой и усами. Губы морщит усмешка надо мной. Он рассказывает о своем житье-бытье и, конечно, о «старинушке». Обязательно вспомнит о службе в царской армии, о войне с Японией, о казачьих рейдах в азиатской Турции. И быстрое молчание, когда речь доходит до Гражданской войны.

— Вырастешь, сам поймешь и узнаешь, — говорил он, когда я назойливо пытался расспросить его про красных и белых.

Его рассказы — как повесть временных, выпавших ему на долю лет, где присутствовали расказачивание и раскулачивание, работа на колхозных полях и токах, метание стогов и другие заботы. Война, когда вокруг станицы был бой, в котором погибла масса молодых красноармейцев, и в станицу въехали танки и машины немцев. Как они жарили кур и свинину, забавлялись яичницей, а народ повыгоняли из домов, и станица переселилась в сараи и временки.

— Жарко и страшно горит станица, освещая отступающие колонны немцев, а мы молили Бога, чтобы Он уберег наши дома, — рассказывал дед.

А я внимательно слушал эти повести долготерпения, смирения, непрерывных народных тягот, среди которых они сохранили доброту, лиризм, природную мудрость.

Я вспоминаю... Наша память удивительна. Иногда достаточно самого ничтожного повода, самой тонкой ниточки для мощного клубка воспоминаний. Клубок начинает стремительно разматываться, и уже ничто не в силах остановить его или помешать. И, может быть, самое дорогое, самое ценное, что в конечном итоге останется у человечества и у человека — это память. Память со всей ее болью, изменой, грузом несбывшихся надежд и неисполненных желаний.

Огромность земли, даль дороги, горы, тайга, степи, реки и мосты над ними — все они, пройденные мною, остались в моем сердце, потому что, как говорил мой дедушка, в преодолении каждой трудности — тысячи удовольствий. «Если бы в моей жизни не было всего этого, не так билось бы сердце», — подумал я, выводя эти строки, неуверительными были бы и мои слова.

И вновь вспоминаю его:

— Надо уметь терпеть, надо радоваться, надо уверенно шагать, покоряя горы, прокладывая дороги, — другого не дано. Дед всегда чтит разум и труд, все, что дарует людям мощь, доброту, надежду. Он чтит и далекие тихие горы, ветер и дождь, бурный Терек, несущий светло-желтые волны к Каспию, зеленые луга, словно это было предопределено ему от сотворения мира, который и я сейчас приветствую от всего сердца, как мой седобородый дед.

— То, что помнишь, не стареет, — любил говорить он, вспоминая о некогда Оболенском и Медвежьем лесе, о «Барабане» — высоком месте за станицей, о Черной речке, о бьющих там родниках и какая в них вкусная вода.

У каждого, несомненно, есть индивидуально неповторимое, но в то же время общее, что сближает идейные и эстетические принципы. «Если моим пером водит великая

любовь к родной земле, — про себя подумал я, — память о родителях, предках, если кто-то, неведомый мне, читая слова мои, может хоть на миг ощутить то, что ощущаю я, увидит — хоть на миг — произрастание травы, струйку родника, полет звезды, падающий на землю снег, — значит, ладится мой труд».

Жизнь — это длинная река, в ней за каждым поворотом сюрприз за сюрпризом. Любое событие чему-то учит, пережив его, мы становимся старше, опытнее, умнее, что ли.

Моя юность пришлась на короткий период «оттепели», когда мощный идеологический прессинг немного ослаб. Вместе с модным рок-н-роллом и стильной одеждой, вместе с книгами запрещенных и оттого еще более привлекательных писателей мы стали избавляться от прививки коллективного сознания, которое, как известно, было выше собственных интересов. Я усвоил, что величайшая ценность на этом свете — личность человека. А личность всегда в одиночестве, в меньшинстве и рассчитывать личность может только на собственные силы и больше ни на кого. Тем более что с каждым годом эта задача становилась все важнее. Обеспечить свое будущее надо было самому, потому что другой поддержки у меня не было.

После восьмого класса я принял решение пойти учиться в ПТУ. Учился на слесаря-монтажника в городе Грозном, участвовал в художественной самодеятельности — играл на кларнете в духовом оркестре.

Учился я два года. Первый год — теоретические занятия в классах и практические в мастерских училища, а второй год — два дня в неделю занятия в училище, а остальные дни работа на производстве. То есть с восьми часов утра я приступал к работе с бригадой, куда был включен. Это был невероятный опыт. Я непосредственно выполнял работы по специальности, как и все рабочие бригады. И эта работа пробуждала важное для меня чувство единения с другими людьми.

А работали мы на различных объектах нефтеперерабатывающего комплекса города Грозного. Или строили что-то новое, или ремонтировали.

Специальность я получил «слесарь-сборщик стальных конструкций». Дипломную работу защитил по устройству и эксплуатации газгольдеров*. И продолжал работать в том же строительном управлении, где проходил практику.

Но и после окончания училища я не остановился в стремлении самосовершенствования. Я занимался музыкой. И это увлечение найдет свое продолжение в дальнейшей жизни.

В свободное время я продолжал играть на кларнете, а позже и на саксофоне в различных оркестрах города. Хорошую школу игры в духовом оркестре я получил у отставного военного дирижера В. Т. Тютяева, в руководимом им городском оркестре при парке культуры и отдыха «Трек» и в эстрадном оркестре при клубе МВД, которым руководил замечательный музыкант — трубач Владимир Иванович Медведев. Кроме рекомендаций по игре на инструменте они старались дать мне определенные необходимые теоретические знания, за что я им очень благодарен.

Оба личности неординарные. Виктор Тимофеевич перед войной окончил Саратовскую консерваторию по классу трубы и играл в различных симфонических оркестрах. В войну стал военным дирижером и на всю жизнь связал себя с армией. Его знали во многих городах, но так получилось, что последним местом службы оказался Грозный, и здесь он остался на постоянное место жительства. Здесь мне и посчастливилось с ним встретиться.

У Владимира Ивановича Медведева другая судьба. Он уроженец города Грозного. Законченного музыкального образования не имел, но был великолепным практиком — трубачом, аранжировщиком. Музыкант до военной поры. Он был инициатором и собирателем симфонического оркестра Грозненской филармонии, в котором сам долгое время проработал трубачом. А сам он был по основной специальности замечательный закройщик-портной. Пошитыми им мужскими костюмами гордились любители тогдашней моды.

---

* Газгольдер (*англ.* gas holder / gas — газ, holder — держатель).

Вот у них я два года занимался музыкой, продолжая работать на стройках нефтехимии. А потом пришла пора идти в армию. Начал служить я здесь же, в городе Грозном, в военном духовом оркестре танкового полка и, как оказалось, надолго связал себя с армией. О службе в оркестре писать не буду. Она проходила успешно, ровно, с удовольствием, я стал сержантом. Об этом мною написан рассказ «Военной музыки оркестр», который печатался в периодической печати, поэтому опустим это. Замечу только, что в моей жизни того времени, по существу, было два пути. Я мог, как нормальный гражданин, отслужив положенный срок, вернуться на «гражданку» и работать в народном хозяйстве, заниматься своим любимым делом. Мог остаться в армии и заниматься музыкой, сделав ее своей профессией.

И я задумался. «Ну вот отслужу я, а потом куда?» — вертелось в голове. Но жизнь неожиданно сама открыла передо мной дальнейший путь. Дирижер оркестра Андрей Иосифович Усвайский, которому я многим обязан в жизни, посоветовал: «Оставайся в армии. А для этого стань офицером. У тебя получается политработа. А музыка всегда будет тебе подспорьем».

Вскоре по рекомендации политического отдела соединения я был направлен в политическое училище и успешно его закончил. Мне было присвоено звание «лейтенант» и я был назначен на должность заместителя командира роты по политчасти.

О сделанном выборе я не жалею. Были трудности и проблемы, которые так или иначе решались, но были и минуты счастья, удача — когда я видел, что интерес и уважение к моей работе замечаются и оцениваются. И работать хотелось еще лучше. Я иногда думаю: не уесть я учиться в Грозный, не послушайся в свое время умных людей, которые посоветовали мне остаться в армии, да, молодость у меня, конечно, прошла бы, может, веселей, беззаботней, может, и легче? Но позднее вот кем бы я стал?

А так я — смею думать — жил, как говорят, не праздно и не пресно, мне часто было тяжело, но никогда скучно.

Армейская служба подняла меня на высоту, которая раньше могла только сниться. Она заставила меня, уча других, самому постоянно учиться. Я имел власть, и бывали минуты, когда от меня зависели судьбы людей. А уже одно это чего-то да стоит. Пусть не всегда по своей воле, но я исколесил Россию. Жил и в хороших городах, и в глухомани, далекой от цивилизации. Я был посвящен в некоторые тайны, о которых не говорят вслух. За что я благодарен той власти, так это за то, что не стал самодовольным провинциалом. Но странным образом я никогда не чувствовал себя и нищим, чего больше всего боялся с детства.

Моя служба стала давать столько, сколько необходимо, и даже сверх того. И чем дальше — тем я получал от нее больше.

Написал об этом, и перед глазами пробежали места службы: Дагестан, Монгольская Народная Республика, город Череповец Вологодской области, поселок Гарболово Ленинградской области, город Саяногорск в Хакасии и город Красноярск.

Первым местом службы стал город Буйнакск, куда я в числе восьми выпускников был направлен на восстановление последствий землетрясения в Дагестане.

2

И вот я в Дагестане.

Хотя я родился и вырос на Кавказе, Дагестан был для меня неизведанным краем. Выйдя в Махачкале из поезда, я полюбовался Каспийским морем, которое плескалось совсем рядом, и двинулся на автовокзал. С него я начал знакомство с республикой и ее жителями. Здесь от дагестанцев — тех же кумыков, аварцев, лезгин, агулов, даргинцев и других — в их нелегкие для жизни минуты я узнал, что в Махачкалинский аэропорт и на железнодорожную станцию приходят стройматериалы, продовольствие, палатки, медикаменты, другая помощь для пострадавших от землетрясения. И оттого, что горцы с первых же минут бедствия со-

брали свои силы воедино, оттого, что ощущали поддержку всех народов нашей страны, на лицах их я не заметил следов паники или растерянности. Хотя, как я потом узнал, в Дылыме (Казбековского района) не осталось ни одного дома, не пострадавшего от землетрясения. Одно из лучших сел района — Зубутль — было разрушено в прах. Беда маленькой республики стала бедой всей страны, и из всех уголков нашей страны люди протянули руки дружбы и братства. «Не прошло и восьми месяцев, как родилось на просторах низменности новое село Зубутль, — читал я позже в газетах, — с новыми домами, покрытыми оцинкованным железом, село, все утопающее в зелени, в виноградниках и фруктовых деревьях».

В разрушенном дотла Кумторкале живущие в палатках люди верили, что их новое село непременно будет краше прежнего. А так было везде, где набедокурила стихия. И вера людей была не напрасна, в чем я позже убедился сам.

Немного истории.

Один из героев А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» горный инженер Манцев говорил: «В настоящее время... земной шар представляет следующую картину. Верхний его покров состоит из застывших гранитов и диоритов толщиной от пяти до двадцати пяти километров. Эта корка снаружи покрыта морскими отложениями и слоями погибшей растительности (уголь) и погибших животных (нефть). Кора лежит на второй оболочке земного шара — из расплавленных металлов, — на Оливиновом поясе...» Это описание учитывало научные данные своего времени. Сегодня мы знаем про нашу планету больше, чем вчера, но вопросов остается еще очень много. Один из них — землетрясение. Отчего они происходят и можно ли их прогнозировать?

Наши предки придумывали самые разнообразные объяснения и, конечно, не соответствующие действительности причины. Хотя уже Лукреций говорил: «Природа все делает самопроизвольно, без вмешательства богов».

Поверхность земли кажется нам неподвижной. Но на самом деле она все время совершает колебания. Одни ко-

лебания слабые, для человека практически незаметные, их можно обнаружить лишь с помощью чувствительных приборов, другие — настолько сильные, что человек чувствует подземные толчки, а иногда слышит гул. Толчки бывают настолько сильными, что не только ощущаются человеком, но и являются причиной разрушений на поверхности Земли. Колебания земной поверхности под влиянием природных сил носят название землетрясений. При сильном землетрясении колебания почвы охватывают большое пространство. При этом около очага землетрясений появляются трещины в земле, разрушаются постройки. То есть причина землетрясений — смещение крупных блоков земной коры. Внутри Земли происходит перераспределение вещества, которое вызывает резкие нарушения равновесия слоев, что ведет к перемещению блоков горных пород. Перемещение блоков вызывает толчки, которые достигают земной поверхности и обуславливают ее движение.

Анализ явлений, происходящих при землетрясениях, сделал гениальный русский ученый М. В. Ломоносов. Так, в своей книге «Слово о рождении металлов от трясения земли» (1757 г.) он описывает землетрясения, отмечая, что не только разрушенные города свидетельствуют о происходящих землетрясениях, но и «...все лицо земное исполнено явственными сего доказательствами. Где только не увидишь в расселинах горы; тут оставшиеся следы земного трясения были, не сомневайся»...

Землетрясение явление не редкое. Геологами А. П. Орловым и И. В. Мушкетовым собраны сведения о 2574 землетрясениях за период с 596 г. до н. э. по 1888 г. В среднем приходится по одному в год. Но сейчас выявлено, что их намного больше. В СССР самые разрушительные были Ашхабадское с 5 на 6 октября 1948 г., в Ташкенте — в 1966 г., в Дагестане — в 1970 г. О ликвидации его последствий я и хочу поделиться, ну, это к слову. А пока я ехал к своему месту службы.

Шоссе с хорошим покрытием тянулось вверх, к перевалу, петляя вдоль крутого горного склона, то исчезая за сероватыми и бурными горами утесов, то появляясь вновь ступень-

кой гигантской лестницы, висевшей над кручами и обрыва-ми. Было безветренно и жарко. Воздух, соприкасавшийся с разогретым асфальтом, струился и подрагивал, обнимая тело плотной жаркой пеленой. Склон был каменным и почти безлесым, хотя среди скал виднелись какие-то деревья и кусты.

Автобус шел со скоростью не более сорока километров. На такой дороге достаточно. Видно, шофер не рисковал ехать быстрее.

Мимо мелькали каменные глыбы, то плоские, то остро-конечные или причудливо изломанные, из открытых окон потянуло свежим ветерком, яркие солнечные блики заиграли на стенках автобуса. Подъем, сначала плавный, сделался круче, но автобус будто не замечал этого, лез и лез себе неспешно в гору, гудел мотором, цеплялся шинами за серый асфальт.

— Сейчас будет крутой поворот, — сказал кто-то в автобусе. И он действительно повернул, огибая скалу. Теперь справа тянулся вертикальный горный склон, а по сути вырубленная в горе стена, а слева зиял обрыв — так, примерно, в десять этажей. Водитель сбавил скорость. Автобус полз по дороге не быстрее тридцати километров, и скальная стена, иссеченная трещинами, неторопливо убегала назад, грозя нам растопыренными пальцами кустов. Струйки воздуха врываю-тся в салон автобуса, ослабели, сделалось душновато, но ехать быстрее водитель не решался, знал, наверное, что впереди опять крутой поворот над самой пропастью или иное опасное место.

— Дорога, по которой мы едем, называется русской до-рогой, — сказал мне молчаливый до этого сосед по сиденью.

— Почему?

— Она была прорублена в горах во время Кавказской войны русскими солдатами.

— И как к этому относятся горцы?

— Конечно, положительно! Нам, мальчишкам, гово-рили когда-то: «Бегите до русской дороги, многое узнаете». Расул Гамзатов неоднократно подчеркивал: «По русской до-роге все дагестанцы пошли, и весь мир увидели, и историю свою утвердили, традиции прославили».

Написал это и вспомнил. Есть такое выражение: в того, кто выстрелит из пистолета в прошлое, будущее выстрелит из пушки. Сейчас у нас проводятся реформы, идет ломка старого. Но я считаю, что нельзя все ломать. Хорошее надо беречь, хранить, восстанавливать.

Будто в груди у меня два сердца бьются: одно — «за», другое — «против». Будто я надвое разделен. По-моему, очень плохо, если бывает в стране так, что все от одного человека зависит. Был культ личности, а потом стал культ должности.

Молчать о людях, которым принадлежит история, несправедливо. И я хочу знать, чему я так верил, почему меня обманули и в чем. Если и вправду за время, в которое мы жили, были преступления, их прощать нельзя и оправдывать их не следует. Многие трагически ошибались, они думали, что государство укреплялось. Если оно и укреплялось, то человек-то мельчал. Считаю, что и сегодня мельчает, ибо в него внедрилась болезнь, которую Ленин называл комчванством, бюрократизмом. А сейчас коррумпированность и т. п.

Что же получается, работали, трудились, жили, пели, танцевали — и все руководители после Ленина были, оказывается, плохие. На этот вопрос четкого ответа не слышно. Ответить же на него надо.

Но вернемся к дороге в Буйнакск. Автобус поднялся к перевалу. Слева вершина и справа вершина, впереди серая лента шоссе, а сверху голубой небесный купол. За новым поворотом взору открылась довольно обширная площадка, естественный выступ в горном склоне, обрамленный полукольцом деревьев, что отделяли площадку от пропасти. Под деревьями стояли три-четыре уютных домика, один из которых был кафе и возле него дымился мангал, где жарили шашлык.

Под навесом дежурили два милиционера, один из которых тут же осмотрел прибывший автобус. После осмотра он пригласил приезжих перекусить в кафе, что мы и сделали, благо, у автобуса предусматривалась здесь остановка.

Седловина продувалась свежим ветром, духота исчезла, и обед был для нас настоящим отдыхом.

За перевалом дорога чуть-чуть спустилась вниз и пошла, петляя, у самого края пропасти. Теперь внизу лежало дикое ущелье. Дорога пошла под гору. Пейзаж вокруг был изумительный. Серые, коричневые, фиолетовые вершины на фоне голубого неба, живописные скалы, рощицы, откуда тянуло резким запахом зелени. Здесь, на высоте, дышалось легко, гуляли тут свежие ветры, воздух был прозрачен и чист. Впереди у подножья просматривался город, в который мы приехали только через полчаса.

Буйнакск — районный город Дагестана, бывший его древней столицей Темир-хан-Шура, находится в сорока с небольшим километрах от нынешней столицы — Махачкалы, и ехали мы в него через высокий перевал, по крутым, многочисленным и довольно опасным серпантинам. Выше я рассказал об этом. А опасный перевал был до такой степени, что зимой его на некоторое время закрывали, и тогда в город можно было добраться только объездным путем, с расстоянием почти сто двадцать километров.

Буйнакск после землетрясения представлял унылое зрелище. Здания в два и больше этажей были разрушены, одноэтажные частные дома были в аварийном состоянии: с трещинами в стенах, с покосившимися или разрушенными крышами. Сильно пострадали воинские части, располагающиеся в городе, — были разрушены казармы, и солдаты жили в палатках, штабы, клубы, котельные и другие хозяйственные постройки. И все это надо было в кратчайшее время восстановить.

Для восстановления сюда и прибыли несколько сформированных строительных воинских частей. В одну из них, прибывшую из Ленинградской области, попал и я. Странно, но об этом времени написано очень мало. А о военных строителях вообще ничего. А это же материал, который многим интересен, в особенности если писать в такой мужественной современной манере типа: «Улицы разбитых фонарей» — «Стояла мертвая тишина... Стекла в домах были разбиты и заклеены бумагой... Из подвала одного из домов вылез горец. Он был старый, сгорбленный, лицо бледное, с реденькой бородкой...»

А это ведь так и было.

Когда мы общались с жителями, особенно со старшими, они непременно спрашивали: «И за что Аллах послал нам такое?» И когда мы отвечали, что не знаем, а приехали восстанавливать разрушенное, они в сердцах отвечали: «Мы знали, Россия нас не бросит в беде!»

И действительно, в город приехали сотни рабочих из Тульской, Белгородской областей, из Белоруссии и Армении со своей техникой, со стройматериалами.

И пока мы, военные строители, разбирали завалы и восстанавливали военные объекты, они стали строить новый микрорайон из кирпичных пятиэтажек. Каждый со своим орнаментом и рисунком. Это была действительно интернациональная помощь наших народов пострадавшему народу Дагестана.

Военные строители, как часть тогдашней Советской армии, тоже внесли свой интернациональный вклад в восстановление разрушенного стихией народного хозяйства Дагестана.

Восстановив, а по сути построив заново казарменный фонд и всю инфраструктуру воинских частей, были построены четыре жилых пятиэтажных зданий, два из них в центре города из сборного железобетона с сейсмической защитой и два дома в микрорайоне. Построили мы также больницу и психдиспансер. Участвовал в строительстве административного здания для городской и районной администрации, партийного органа района и в других местах.

Работали военные строители в две-три смены. Вели кирпичную кладку стен, монтировали перекрытия, устанавливали дверные проемы и окна, штукатурили, рыли траншеи для подводки к объектам кабелей электроснабжения и связи. И еще многие и многие работы. И ни дождь, ни снег и мороз не были этому помехой.

Вспоминая о деятельности военных строителей, я сравниваю их работу с проведением военных операций.

— Что такое военная операция, — учили нас в военном училище на тактических занятиях. — Это численное превосходство, огневой удар, молниеносные тактические действия, маневр.

То есть или раздавил противника, или не раздавил.

То же и у военных строителей: выдвижение и размещение личного состава в указанное место — туда, где возводился важный военный и государственный объект. А затем рациональное пользование личного состава, техники, задействование всех явных и скрытых резервов. И время. Планомерно по графику. Подразделения должны работать быстро, и чтобы успеть выполнить задание, каждое из них, вплоть до отделения и солдата, должны знать свой маневр.

Рота — в военно-строительном батальоне, отряде — важнейшее звено в выполнении производственных заданий, об этом знают командиры и политработники (сейчас заместители по воспитательной работе), хорошо, когда это учитывают и заказчики, и инженерно-технические работники. А мы — политработники — тогда, несмотря на уплотненный график работы, всячески старались разнообразить быт своих подчиненных. В выходные дни организовывали культпоходы в кинотеатр, по случайности оставшийся целым, в местный историко-этнографический музей, старейший на Северном Кавказе. Регулярно проводились информации о событиях в стране и за рубежом, к которым я активно привлекал комсомольский актив подразделения. Выпускались стенгазеты, боевые листки, в которых сравнивались трудовые успехи, отмечались лучшие воины. Актив подразделения — это нерв, через который политработник доводит до сознания личного состава задачи, стоящие перед подразделением, суть приказов командования и необходимость и важность их исполнения точно и в срок. Поэтому активу я уделял самое пристальное внимание. Как в учебе, так и в повышении их кругозора и культурного уровня. При всяком удобном случае я выводил их в столицу Дагестана — Махачкалу, в другие интересные места республики.

Неизгладимые впечатления у военных строителей оставила поездка на Чиркейскую ГЭС. Изящная плотина, будто упругая пружина, распирала массивные скалы, удерживая рукотворное море. Она противостояла двум стихиям — водной и земной.

У подножия плотины серебрился Сулак, река небольшая, всего 144 километра от Каспийского моря до места, где смыкаются два кипящих потока — Аварское Койсу и Андийское Койсу («койсу» по-кумыкски — «бешеная вода») — и начинается Сулак.

Над рекой чернел туннель, выведивший на свет дорогу. Дорога вторым ярусом зависала над Сулаком и упиралась в здание ГЭС.

Долго смотреть, наклонив голову, трудно, высота притягивает. Небо чистое, словно вода в водохранилище. Голубая вода и голубое небо, а между ними горы, поросшие кустарником. Осень уже разлила свои краски: красные, золотые, зеленые тона перемешались на склонах. Кое-где виднелись серые, поросшие мхом камни...

— Неужели и подо мной Кавказ, — раздавалось из группы цитирование из Пушкина и Лермонтова.

— Размечтались, — голос провожатого возвратил экскурсантов в мир реальный.

— Вам не кажется, что плотина сливается с горами? — задает кто-то вопрос провожатому.

— Нет, не кажется. Горы, они другие. Их склоны в трещинах, будто в морщинах. А плотина, она как юная дева — ни черточки времени.

— С инженерной точки зрения, Чиркейская ГЭС безупречна. Ее плотина самая стройная в мире, — объясняет провожатый. — Да-да, самая стройная. У экспертов есть термин «коэффициент стройности плотины». Он учитывает, как соотносится высота и ширина плотины на разных ее участках.

— ГЭС действительно уникальна, — отмечал провожатый, отмечая на каждом шагу инженерные новинки. — А первый агрегат будет пущен в следующем году, — отметил он.

Первый агрегат пустили в 1974 году.

— А как же землетрясение? — спросили у него.

— Природа — сильнейшее землетрясение — испытала ГЭС на прочность: плотина выдержала, горы — нет. Скала, в которую упиралась плотина, треснула. И люди привязали

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru